

ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВНА КУЗОВКИНА
(Таллинн, Эстония)

**Лотман и Гуковский.
Диалог в историко-культурном контексте**

Аннотация: В статье 1) дан хронологический очерк отзывов Ю. М. Лотмана об идеях и преподавательской деятельности Г. А. Гуковского: от времени довоенного и послевоенного студенчества до позднейших мемуарных текстов; 2) рассмотрены наиболее значимые сюжеты полемики Лотмана с историко-литературными концепциями Гуковского в области истории русской литературы; 3) введены в научный оборот фрагменты неопубликованных лекций Лотмана 1960 года, ставших основой для его первой монографии в области структурной поэтики. Лекции свидетельствуют о сильном влиянии идей Гуковского о единстве содержания и формы в художественном произведении на структуралистическую теорию Лотмана.

Ключевые слова: Лотман, Гуковский, Карамзин, структурный анализ текста, этапы развития русской литературы

О Григории Александровиче Гуковском (1902–1950) Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) узнал еще школьником в 1935 году от своей сестры Лидии Михайловны Лотман, студентки второго курса ЛИФЛИ. Молодой профессор читал лекции по литературе XVIII века, на которые Лидия Лотман приводила и своего младшего брата. Она вспоминала, что постепенно Григорий Александрович полностью овладел «разношерстной» аудиторией и все студенты «с горячим сочувствием и интересом следили за перипетиями идейной борьбы и литературных споров XVIII века». Отметим Лидия Михайловна и особую – «живую и непринужденную» – атмосферу лекций Гуковского: «Поведение Г. А. на лекциях для нас, задавленных учебной дисциплиной и официальной, было выражением духа свободы. [...] Гуковский был в высшей степени наделен талантом лектора: прекрасный голос, личное обаяние, артистизм, тонкое чувство аудитории, мгновенная реакция на скрытые настроения слушателей и способность импровизировать делали его неподражаемым лектором» (Л.М. ЛОТМАН 2007: 101). Лидия Михайловна посещала также семинар и научный кружок по изучению литературы XVIII века, которыми руководил Гуковский. По итогам работы семинара и кружка под редакцией Гуковского в 1939 году был выпущен сборник студенческих работ, в который вошли статьи Ильи Захаровича Сермана, Анатолия Ми-

хайловича Кукулевича, Л. М. Лотман и других (см. УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1939). Друзья Лидии Михайловны часто бывали в доме Лотманов на Невском проспекте (№ 18). Юрий Михайлович позже вспоминал, что именно студенческое окружение сестры повлияло на его профессиональный выбор. Решающим оказалось общение с А. М. Кукулевичем. «Этот блестяще одаренный и обаятельный человек, которому Гуковский сулил исключительное научное будущее, успевший опубликовать несколько статей о Гнедиче в Ученых записках Ленинградского университета и главу в только что тогда вышедшем томе «Истории русской литературы», погиб под Ленинградом в конце 1941 года. [...] Он оказал на меня большое влияние. До этого я собирался заниматься энтомологией. [...] Под влиянием Ефима Григорьевича¹ и Толи Кукулевича у меня пробудился интерес к литературе и – шире – к филологии вообще» (Ю.М. ЛОТМАН 1995а: 6–7).

В 1939 году Лотман поступил на русское отделение филологического факультета Ленинградского университета и сразу попал на лекции Гуковского по введению в литературоведение. По-видимому, уже на первом курсе у Лотмана с Гуковским бывали дружеские разговоры. Об этом свидетельствует фраза из его письма (7 ноября 1940 года) родителям и сестрам из армейской учебной части (Лотман был призван со второго курса в конце октября 1940 года): «Я пришел к выводу, что, если свято выполнять заветы Гуковского, т. е. не рассужд<ать> и не переть на рожон, то служить можно сравнительно легко» (ЛОТМАНЫ 2022: 54). В письмах из армии Лотман называет Григория Александровича Гуком и часто передает ему приветы. Лидия Михайловна вспоминала, как Гуковский, сетуя на отсутствие ученого, «который смог бы достаточно глубоко анализировать творчество Баратынского», вспомнил о Лотмане: «Впрочем, на экзамене мне отвечал мальчик – разбирал „Осень“ Баратынского – он, пожалуй, сможет» (Л.М. ЛОТМАН 2007: 63).

Из переписки сороковых годов очевидно, что Гуковский был для брата и сестры Лотманов главным авторитетом в области теории литературы: они полностью разделяли его постулат о единстве художественной формы произведения и его идейного содержания². В письме от 26 октября 1944 года Юрий Михайлович, по-видимому отвечая на рассуждения сестры о «Прощай, оружие» Хемингуэя (письмо не сохранилось), упрекает ее

¹ Речь идет о Ефиме Григорьевиче Жарницком (? –1941), учителе русского языка и литературы в Петришуле, погибшем в Ленинградском ополчении.

² Ср. с рассуждением Гуковского в монографии «Пушкин и русские романтики»: «А ведь задача исследователя литературы – понять и изучить поэта так, чтобы любой мадригал, любое любовное признание в стихах, если только оно в художественной системе данного поэта является произведением искусства, говорило бы о мировоззрении поэта, о принципах его отношения к действительности, о типе его мысли, сознания, – в применении к художественной структуре – о стиле поэта. Потому что стиль – есть эстетическое преломление совокупности черт мировоззрения» (ГУКОВСКИЙ 1946: 24).

в «страшном преступлении» против «гуковизма» – «отделении художественного в этой книге от философского» (ЛОТМАНЫ 2022: 283).

Из переписки 1940-х годов очевидно, насколько глубоко были усвоены и идеи Гуковского о необходимости рассматривать литературу в тесной взаимосвязи с идеологией, историей, бытом и культурным контекстом в целом. Эти идеи получили подробное развитие в трудах Лотмана и в конечном итоге привели его в середине 1980-х годов к идее семиосферы. Эскизные наброски к позднейшим лотмановским определениям культуры (с различением диахронического и синхронического подходов) присутствуют уже в письмах военного времени: «Каждый, сколько-либо целостный, историч<еский> период мне представляется чем-то вроде единого организма, любую часть которого невозможно понять, не поняв целого, а целое нельзя понять, не поняв предельно большего количества частей. [...] идеи, происходящие, как нам кажется, из идей предыдущих периодов (связи и влияния, конечно, есть), на самом деле происходят из сущности самого историче<ского> периода. [...] Невозможно понять эпохи (а без этого любая ист<орическая> наука немислима), не зная, напр<имер>, женских мод, бытовых подробностей, не почувствовав того, почему между импрессионистами и дальнобойной пушкой больше связи, чем между импрессионистами и романтиками – между первыми связи как между рукой и ногой, а между вторыми как между моей рукой и рукой римлянина» (ЛОТМАНЫ 2022: 335–336).

На это письмо Лидия Михайловна отвечала: «Я в общем совершенно согласна со всеми положениями, высказанными тобою в письме. Это, конечно, не значит, что это истина, ибо все мы вышли из шинели Гуковского,³ а потому смотрим на вещи одинаково. [...] Конечно, надо знать эпоху, и ты прав: нужно это потому, что литература не райский сад, существующий вне времени и пространства, а сфера идеологии, которая не существует вне других сфер идеологии» (ЛОТМАНЫ 2022: 354).

Пребывание Лотмана в армии затянулось до ноября 1946 года: он был демобилизован по возрасту только в четвертую очередь. Преподаватели Ленинградского университета хлопотали о его скорейшем возвращении. В семейном архиве Лотманов сохранилась справка, написанная рукой Бориса Михайловича Эйхенбаума, в которой профессор, исполнявший в тот год обязанности заведующего кафедрой истории русской литературы, подтверждал, что все сотрудники кафедры присоединяются к характеристике, данной Лотману Гуковским, и ходатайствуют о скорейшем возвращении его из армии (см. ЛОТМАНЫ 2022: 432).

Гуковский вернулся из эвакуации летом 1946 года и возобновил работу в Ленинградском университете и Пушкинском доме. И уже в сентябре

³ Отсылка к популярной фразе «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“», приписываемой, в том числе и самим Гуковским, Ф. М. Достоевскому (см. ГУКОВСКИЙ 1959: 348).

1946 года появились первые признаки кампании, направленной на «идеологическое разоблачение» ученого. В «Литературной газете» была опубликована статья о выступлении Гуковского на Пушкинских чтениях, транслировавшемся по радио. Автор – Я. Е. Эльсберг, известный своими доносами на коллег и причастностью к их арестам, – обвинял Гуковского в искажении учения «великих революционных демократов».⁴ Лотман из армии написал сестре: «[...] с огорчением прочел заметку, в которой какой-то болван Эльсберг очень поверхностно и грубо ругает Гука за лекцию о Евгении Онегине» (ЛОТМАНЫ 2022: 495).

В декабре 1946 года Лотман восстановился в университете на втором курсе: «Надо было определять семинар. Общим кумиром студентов был Г. А. Гуковский. Я продемонстрировал самостоятельность и не пошел к Гуковскому, а записался к тогда еще числившемуся среди молодых профессоров и не пользовавшемуся такой популярностью Н. И. Мордовченко. Но у Мордовченко, который занимался Белинским, я взял тему по Карамзину – то есть по теме Гуковского, не думая, что это кого-либо заденет. Но Гуковский, видимо, обиделся» (Ю.М. ЛОТМАН 1995а: 34).

Л. Н. Киселева объяснила лотмановский выбор руководителя семинара разницей трактовок творчества Карамзина у Гуковского и Мордовченко. Для Гуковского был характерен иронично-покровительственный тон в описании мировоззрения и позиции Карамзина, которого он считал консерватором, представителем дворянского сентиментализма (революционный сентименталист – Радищев), «эдаким аркадским пастушком, прячущимся от действительности в эстетизированный мир „приятных“ эмоций и психологических переживаний, чуждающимся реальной жизни и ее жгучих социальных проблем, испугавшимся Французской революции».⁵ Н. И. Мордовченко рассматривал творчество Карамзина без идеологического схематизирования, интересуясь прежде всего его ролью в развитии русской критики и показывая его как значительную фигуру в литературном процессе того времени.

Студенческие работы Лотмана Гуковский высоко ценил и предложил опубликовать две его статьи в сборнике «XVIII век». Первая была посвящена французским источникам статей Карамзина в «Вестнике Европы»

⁴ Эльсберг громил «пустую» концепцию эволюции Онегина, которой Гуковский «[...] пытался, по-видимому, ошеломить своих слушателей и заставить их позабыть о том, чему учили великие революционные демократы. [...] Поставить знак равенства между лишним человеком – Онегиным и „богатырями, кованными из чистой стали с головы до ног“, – значит извратить исторически верное представление о подлинном передовом, героическом человеке прошлого» (ЭЛЬСБЕРГ 1946: 4).

⁵ Доклад на Лотмановском конгрессе, 27 февраля 2022 года. Благодарим автора за возможность ознакомиться с текстом до публикации.

(см. Ю.М. ЛОТМАН 1995а: 34). Вторая представляла собой комментированную переписку масонов Алексея Кутузова и Ивана Тургенева (см. позднюю публикацию Лотман 1963). Рукописи обеих статей пропали при аресте Гуковского.

Усилившиеся идеологические нападки на Гуковского достигли своего апогея весной 1949 года. В рамках «борьбы с космополитами» на собраниях в Ленинградском университете Гуковский, В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум и М. К. Азадовский были обвинены в «чуждых партии и советскому народу» «космополитических и формалистических» взглядах, преклонении перед «буржуазной наукой» (см. подробнее ДРУЖИНИН 2012: 296–336). В одном из выступлений Гуковский был назван «самым воинствующим, самым увертливым противником марксистско-ленинской литературной науки» (см. ДРУЖИНИН 2012: 298). В мае 1949 года Гуковского уволили из университета и из Пушкинского Дома, в июле арестовали, а в апреле 1950 года Григорий Александрович умер от сердечного приступа в московской тюрьме Лефортово. Известно, что Лотман в это время дружески общался с дочерью Гуковского (см. Ю.М. ЛОТМАН 1995а: 51).

«Борьба с космополитами» отразилась и на судьбе Лотмана. Блестяще окончив университет в июне 1950-го года, он не только не был оставлен в аспирантуре, но и не смог найти какую-либо работу в Ленинграде. Случайно узнав о том, что требуются преподаватели в Тартуском учительском институте, Лотман позвонил директору и, несмотря на анкетные данные («национальность: еврей»), был принят на работу. Сразу же по приезду в Тарту Юрий Михайлович параллельно начал работать и лектором-почасовиком в Тартуском университете, а в 1954 году получил в нем штатную должность.

Для Лотмана труды Гуковского по литературе XVIII и XIX веков, работы о творчестве Пушкина и Гоголя были объектом постоянного научного диалога. Не имея возможности в рамках одной статьи реконструировать его во всех подробностях, назовем некоторые значимые сюжеты.

Во-первых, Лотман был не согласен с однозначностью характеристик некоторых деятелей русской литературы XVIII века. Так, например, в третьей главе фактически написанной еще в студенческие годы кандидатской диссертации «Александр Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Николая Карамзина» (см. Ю.М. ЛОТМАН 1951),⁶ где речь шла о восприятии Карамзиным идей Жан-Жака Руссо, Лотман собрал материал, опровергающий утверждение Гуковского о «„дворянской“ аполитичности Карамзина и его „консервативно-идиллическом“ отношении к наследию французского Просвещения» (Ю.М. ЛОТМАН 2000: 464). К этому сюжету Лотман вернулся и в 1967

⁶ Рукопись диссертации хранится в Лотмановском архиве Таллиннского университета.

году в статье «Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века», где цитируя высказывание Гуковского о том, что Карамзин «совсем не хочет видеть Руссо – бунтаря, демократа, учителя Робеспьера», отмечал, что это мнение «страдает известной неточностью» и показывал, как Карамзин усваивал и развивал наследие Руссо и Французской революции (см. Ю.М. ЛОТМАН 2000: 195–196).

В 1962 году в пятом томе «Трудов по русской и славянской филологии», посвященном памяти Гуковского и его 60-летию, Лотман поместил программную статью об истоках «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов (Ю.М. ЛОТМАН 1962). Заявив в ней, что литературное развитие этого периода детально изучено и определено как переход от романтизма к реализму, Лотман подчеркнул, что установившиеся представления «не охватывают всех сторон литературной жизни» (Ю.М. ЛОТМАН 1962: 3) и, в частности, не объясняют истоков мировоззрения и творчества Л. Н. Толстого. В статье выдвинут «антигуковский» тезис о необходимости изучения всех без исключения текстов, написанных тем или иным писателем, а не только «работающих» на концепции литературоведов. Отметим, что в лекционных курсах по Гоголю Лотман неоднократно подчеркивал, что для Гуковского не существовало Гоголя – автора второго тома «Мертвых душ», «Рима» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см. Ю.М. ЛОТМАН 1995b: 64). Лотман показал, что истоки толстовского направления как раз и нужно искать в ряде произведений, оставшихся за рамками утвержденных Гуковским схем литературного процесса – в творчестве позднего Гоголя, позднего Жуковского, в «Анжело» и «Тазите» Пушкина. В поздних работах Лотман характеризовал созданную Гуковским концепцию стадияльного развития литературы как социологическую: она «строилась (под сильным влиянием Гегеля) на том, что в основе искусства полагались идейно-философские структуры. Идея государственности, отраженная в классицизме, сменяется идеей личности, формирующей романтизм, а затем идеей народа – основой реализма» (Ю.М. ЛОТМАН 2010: 30).⁷

Со второй половины 1950 годов Лотман внимательно следил за новыми методологическими поисками в гуманитарных науках. Обсуждал с коллегами книгу Норберта Винера «Кибернетика и общество», дискуссию о структурной лингвистике в журнале «Вопросы языкознания», работы по стиховедению математика Андрея Николаевича Колмогорова, был одним из инициаторов введения в Тартуском университете курса математики для гуманитариев (идея не получила поддержку ректората; см. подробнее ЕГОРОВ 1999: 91–92). В 1960 году заведовавший тартуской кафедрой русской литературы Борис Федорович Егоров вернулся в Ленинград,

⁷ См. подробнее о пересечениях идей Гуковского с идеями Гегеля и Маркса: МАРКОВИЧ 2002.

и Лотман принял его должность. С этого момента начинаются самые известные научные и организационные проекты ученого.

Характерно, что именно в 1960 году появилась первая пушкиноведческая работа Юрия Михайловича – об эволюции построения характеров в «Евгении Онегине», в которой он показал, как «структура образа» героев менялась вместе с эволюцией мировоззрения автора (Ю.М. ЛОТМАН 1960: 168). В этой статье была и критика выводов Гуковского о зависимости человека от среды и, в особенности, утверждения о быте в произведениях Пушкина как о «базе формирования» характеров героев.

Важным этапом научного диалога с Гуковским является упоминание его имени и работ в курсе «Лекций по эстетике», прочитанном Лотманом осенью 1960 года. Этот курс знаменовал собой новый период в научной биографии ученого, впервые обратившегося к теории литературы. 26 сентября 1960 года Лотман писал Б. Ф. Егорову: «[...] читаю курс „Теории“, где крою направо. [...], Зара все стенографирует – переверну науку!» (Ю.М. ЛОТМАН 2012: 84). Конспекты 13 лекций из этого курса, сделанные супругой Лотмана профессором Зарой Григорьевной Минц, хранятся в Лотмановском архиве Таллиннского университета. Основной пафос лекций – в том, что художественное произведение структурно, что содержание произведения нельзя отделить от формы, что специфика отражения мира в искусстве состоит в том, что это отражение синтетично – «искусство воссоздает мир заново». На основе этих лекций Лотман написал свою первую большую теоретическую работу – монографию по структурной поэтике (Ю.М. ЛОТМАН 1964).

Уже в самых первых лекциях Лотман называл практические работы Гуковского почвой для объединения истории и теории литературы: «Он стрем<ился> подойти к анал<изу> идей через анализ худ<ожественной> ткани. Все миров<оззрение> можно выделить из анализа одного лирич<еского> стих<отворения>. Непоср<едственно> полит<ические> высказ<ывания> (дневн<ики>, письма) – лишь вспомогат<ельный> материал» (ЛЕКЦИИ).⁸

Юрий Михайлович сравнивал писателей как мыслителей и писателей как художников: «Вкусы становятся сознательными. Человек начинает осмыслять свою собственную позицию. И дальнейшая практическая деятельность художника подчиняется его теоретическим взглядам» (ЛЕКЦИИ).

Далее следовал вольный пересказ основных положений книги Гуковского «Пушкин и русские романтики», хотя сама книга и не называлась. Так, например, Лотман соотносил писателя как мыслителя (участника идейных движений) и писателя как художника и разделял миропонимание (иногда он называл его мироощущением) и мировоззрение. Мировоззре-

⁸ Здесь и далее цитируются записи лекций, хранящиеся в Лотмановском архиве Таллиннского университета (шифр и нумерация листов пока отсутствуют).

ние формируется на основе миропонимания, но потом может и управлять им: «Структура произведения оказывается сложным выражением разных идейных тенденций, подчас противоположных» (ЛЕКЦИИ). Подобного рода противопоставление стиля и «суждения, утверждения» было и у Гуковского: «[...] анализ мировоззрения поэта есть в то же время и в специфических условиях анализ его стиля, ибо стиль может оказаться наиболее общим и типическим качеством мировоззрения в искусстве, присутствующим в нем всегда и там, где нет никаких суждений и утверждений» (ГУКОВСКИЙ 1965: 39; первое издание – 1946 год). «Мысль и мировоззрение», по Гуковскому, входят в образную структуру произведения: «Каждый стиль имеет свою идею, сам есть, в конце концов, идея, как и каждый элемент стиля» (ГУКОВСКИЙ 1965: 42).

Лотмановские размышления о природе поэзии Жуковского как о воссоздании душевного мира авторского «Я» являются логическим продолжением концепции романтизма Гуковского. Сравним цитаты:

ЛЕКЦИЯ ЛОТМАНА	КНИГА ГУКОВСКОГО
<p>«Жук<овско>го в этом плане м<ож>но понять, не читая его дневн<иков>, писем, не зная его биограф<афии>, т<олько> из структуры стиха, кот<орая> подчинена лишь одной цели: отражению души. Веществ<енное> значение, об<ыч>но присущее словам, изъято из слов (что оч<ень> не просто!) Стихи его – не окно в мир, а зеркало вн<утри> окна. Лишь душа. Таковы его сущ<ественные>, его эпитеты, его пейзаж («Невыразимое»). Его «прохлада» и «аромат» – не 2 свойства явл<ения>, а 2 чувства авт<орско>го «я», кот<ор>ые м<огут> быть произвольно слиты. Пейзаж – пейзаж души, он – не перед героем, а за ним, ибо обусловлен героем. [...] Мир – цепь моих состояний. [...] Итак, Ж<уковский> воссоздаёт строем своей лирики не мир реальный, а мир авт<орско>го «я» (он не сомневается в сущ<ествова>нии действительно сущ<ествующе>го об<ычно>го мира, но не считает его предметом иск<усст>ва)».</p>	<p>«Сущность и идея стиля Жуковского, его поэзии в целом – это идея романтической личности. Жуковский открыл русской поэзии душу человеческую, продолжив психологические искания Карамзина в прозе и решительно углубив их. Однако дело здесь было не просто в том, что Жуковский открыл новую тему; его тема – это его мировоззрение и его метод. Романтическая личность – это идея единственно важного, ценного и реального, находимого романтиком только в интроспекции, в индивидуальном самоощущении, в переживании своей души, как целого мира и всего мира. Психологический романтизм Жуковского воспринимает весь мир через проблематику интроспекции. Он видит в индивидуальной душе даже не отражение всего мира, а весь мир, всю действительность саму по себе» (ГУКОВСКИЙ 1965: 42).</p>

Утверждая, что «структурная идея произведения» столь же важна, как и логическая, Лотман отсылал к размышлениям Гуковского о поэтике и дидактике в творчестве Василия Жуковского: «Из „дидактики“ Жук<овско>го нельзя понять основного в его творчестве (Гуковский). Из логич<еской> идеи нельзя понять основного или, по кр<айней> мере, многого в иск<уст>ве (Гук<овский>)» (ЛЕКЦИИ).

Следует также отметить, что Лотман в лекциях подробно анализирует стихотворение Баратынского «Осень», то самое, за разбор которого на экзамене по введению в литературоведение похвалил его в 1940 году Гуковский. В монографии 1964 года этот разбор отсутствует, но в дальнейшем Лотман дважды обращался к этому, – по его мнению, центральному в творчестве поэта – стихотворению (см.: Ю.М. ЛОТМАН 1972: 97–99; Ю.М. ЛОТМАН 1994: 394–406).

Таким образом, мы видим, что новый теоретический этап эволюции научного метода Лотмана вырастает в том числе и из переосмысления работ Гуковского, имя которого Лотман неоднократно упоминал в ряду ученых – предшественников структурализма, ставивших вопрос об «изучении внутренней организации художественного текста» (см., например, Ю.М. ЛОТМАН 2018: 99).

В промежутке между лекциями и монографией Лотман познакомился с трудами московских структуралистов и наладил с ними научные контакты, приведшие к созданию Тартуско-московской семиотической школы. Первые варианты монографии Лотман отсылал на рецензию Владимиру Николаевичу Топорову и Исааку Иосифовичу Ревзину. По всей вероятности, общение с московскими структуралистами привело Юрия Михайловича к перечитыванию работ формалистов и в первую очередь – Юрия Николаевича Тынянова, имя которого ни разу не упоминалось в лекциях. Особенно заинтересовала Лотмана концепция Тынянова о динамическом развитии литературного процесса, которую он неоднократно упоминает в монографии. Этим, вероятно, объясняется и тот факт, что в лекциях имя Гуковского было одним из ключевых, его работы подробно реферировались, тогда как в монографии Гуковский упомянут лишь дважды: как представитель «подхода к произведению как к единой, многоплановой, функционирующей структуре» и как автор теории «стадиальности литературного процесса», предшествующей постановке проблемы структурной типологии (Ю.М. ЛОТМАН 1964: 13).

В 1990-е годы в мемуарных текстах Лотмана и его итоговых монографиях неоднократно говорится о лекторском мастерстве Гуковского, «свободной непредсказуемости его устных импровизаций», «несравненном чувстве стиля» (Ю.М. ЛОТМАН 1995b: 61). Лотман восхищался тем, что Гуковский знал наизусть всю поэзию XVIII века и сумел оживить в своих работах литераторов XVIII века, например, Сумарокова. Важнейшее теоретическое достижение Гуковского, по Лотману, – формулирование

«концепции русского литературного процесса» как «динамической системы» и понятия меняющейся в разные периоды доминанты. Но самым значимым для концептуальных построений Лотмана был тот подход Гуковского к тексту, о котором Лотман неоднократно говорил в лекциях 1960 года: «Для него было существенно не то, *что* говорят (под этим понимался тот аспект так называемого «содержания», который можно пере-сказать прозой), а то, *как* говорят – непередаваемая прозой основа поэтического текста» (Ю.М. ЛОТМАН 1995b: 63).

Полемизирую с «некоторыми неточностями и натяжками в концептуальных построениях» Гуковского: уточняя его анализы общественно-политических взглядов литераторов XVIII века, критикуя выборочный анализ текстов для построения теоретических концепций, схематичность социологической по сути стадияльной теории развития литературы и выводы о зависимости человека от среды, Лотман, однако, признавал, что «[...] никто не обладал талантом так вдохновлять, открывать глаза и, главное, вызывать ответную способность исследовательского вдохновения» (Ю.М. ЛОТМАН 1995b: 61).

Интенсивное научное общение студента Лотмана с профессором Гуковским выпало на тот период, когда Гуковский не называл себя формалистом и даже критиковал своих учеников за формализм. Об этом вспоминала, например, Л. М. Лотман. В 1936 году на научном кружке она делала доклад о поэме-сказке XVIII века и ее соотношении с поэмой Пушкина «Руслан и Людмила». Гуковский указал на недостатки работы и раскритиковал автора за описание «самоцельного движения и развития жанра», назвав такой метод формализмом (см. Л.М. ЛОТМАН 2007: 103–104). Критическое отношение к формализму находим и в письме Лидии Михайловны брату весной 1945 года: формалисты «абсолютизировали литературную традицию и изучали исключительно форму, игнорировали содержание» (ЛОТМАНЫ 2022: 355). В поисках новой теории литературы Лотман переосмысливает наследие формалистов, развивая их идеи о единстве содержания и формы в художественном произведении и динамике литературного процесса. Гуковский, с научным творчеством которого Лотман был хорошо знаком, становится первым и самым доступным проводником этих идей. При этом Лотман отделяет в наследии Гуковского формалистические поиски от социологических, продолжая первые и полемизируя со вторыми.

Литература

- ЕГОРОВ 1999 = ЕГОРОВ Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. Москва, 1999.
ГУКОВСКИЙ 1940 = ГУКОВСКИЙ Г.А. Пушкин и поэтика русского романтизма: Проблема национально-исторического колорита в романтической поэзии // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка / Bulletin de

- l'Académie des sciences de l'URSS. Classe de sciences littéraires et linguistiques. Москва, 1940. [Т. I]. № 2. 56–92.
- ГУКОВСКИЙ 1946 = ГУКОВСКИЙ Г.А. Очерки по истории русского реализма. Саратов, 1946. Ч. 1: Пушкин и русские романтики.
- ГУКОВСКИЙ 1959 = ГУКОВСКИЙ Г.А. Реализм Гоголя. [Под редакцией Г. П. Макогоненко], Москва; Ленинград, 1959.
- ГУКОВСКИЙ 1965 = ГУКОВСКИЙ Г.А. Пушкин и русские романтики. Москва, 1965.
- Л.М. ЛОТМАН 2007 = ЛОТМАН Л.М. Воспоминания, Санкт-Петербург, 2007.
- Ю.М. ЛОТМАН 1958 = ЛОТМАН Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1958. Вып. 63.
- Ю.М. ЛОТМАН 1951 = ЛОТМАН Ю.М. А.Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Карамзина: Автореферат диссертации на соискание степени канд. филол. наук. Тарту, 1951.
- Ю.М. ЛОТМАН 1960 = ЛОТМАН Ю.М. К эволюции построения характеров в романе «Евгении Онегин» // Пушкин: Исследования и материалы. Москва; Ленинград, 1960. Т. 3. 131–173.
- Ю.М. ЛОТМАН 1962 = ЛОТМАН Ю.М. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1962. Вып. 119. 3–77. (Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 5.)
- Ю.М. ЛОТМАН 1963 = ЛОТМАН Ю.М. «Сочувственник» А. Н. Радищева: А.М. Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1963. Вып. 139. 281–297. (Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 6.)
- Ю.М. ЛОТМАН 1964 = ЛОТМАН Ю.М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1: (Введение, теория стиха) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1964. Вып. 160. (Труды по знаковым системам. [Т.] 1.)
- Ю.М. ЛОТМАН 1972 = ЛОТМАН Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Ленинград, 1972.
- Ю.М. ЛОТМАН 1994 = ЛОТМАН Ю.М. Две «Осени» // Ю.М. Лотман и Тартуско-Московская семиотическая школа. [Составитель А. Д. Кошелев]. Москва, 1994
- Ю.М. ЛОТМАН 1995а = ЛОТМАН Ю.М. Не-мемуары. [Запись и публикация Е. А. Погосян] // Лотмановский сборник 1. Москва, 1995. 5–53.
- Ю.М. ЛОТМАН 1995б = ЛОТМАН Ю.М. Двойной портрет. [Запись и публикация Т. Д. Кузовкиной] // Лотмановский сборник 1. Москва, 1995. 54–71.
- Ю.М. ЛОТМАН 2000 = ЛОТМАН Ю.М. Русская литература и культура Просвещения. Составление, подготовка текстов и комментарии Л.О. Зайонц, Л.Н. Киселевой, А.С. Немзера, Е.А. Погосян. Москва, 2000.
- Ю.М. ЛОТМАН 2010 = ЛОТМАН Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры. Подготовка текста и примечания Т. Д. Кузовкиной при участии О.И. Утгоф. Таллинн, 2010.
- Ю.М. ЛОТМАН 2012 = Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Б.Ф. Егоров. Переписка 1954–1965. Подготовка текста и комментарии Б.Ф. Егорова, Т.Д. Кузовкиной и Н.В. Поселягина. Таллинн, 2012.
- Ю.М. ЛОТМАН 2018 = ЛОТМАН Ю.М. О структурализме. Работы 1965–1970 годов. Составление, подготовка текста, комментарии И.А. Пильщикова, Н.В. Поселягина и М.В. Трунина. Таллинн, 2018.

- ЛОТМАНЫ 2022 = Лотманы. Семейная переписка 1940–1946 годов. Составление, подготовка текста, предисловие и комментарий Т.Д. Кузовкиной, Л.Э. Найдич, Н.Ю. Образцовой при участии Г.Г. Суперфина. Таллинн, 2022.
- МАРКОВИЧ 2002 = МАРКОВИЧ В.М. Концепция «стадиальности литературного развития» в работах Г.А. Гуковского 1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. 77–105.
- УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ 1939 = Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 33. Серия филологических наук. Ленинград, 1939. Вып. 2.
- ЭЛЬСБЕРГ 1946 = ЭЛЬСБЕРГ Я. Онегин в роли декабриста // Литературная газета, 1946. № 40. 28 сентября. 4.

Lotman and Gukovsky. Dialogue in the historical and cultural context.

Article 1) provides a chronological overview of Y. M. Lotman's reviews of G. A. Gukovsky's ideas and teaching activities: from the pre-war and post-war time of study to the latest memoir texts; 2) the most significant plots of Lotman's polemic with Gukovsky's historical and literary concepts are considered in the field of history of Russian literature; 3) fragments of Lotman's unpublished lectures from 1960 are introduced into scientific field as they became the basis of his first monograph in the field of structural poetics. These lectures testify to the strong influence of Gukovsky's ideas about the unity of content and form in works of art on Lotman's structuralist theory.

Keywords: Lotman, Gukovsky, Karamzin, structural analysis of the text, stages of development of Russian literature